

УДК 81`42

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СМЫСЛОВ КОНЦЕПТА «ВОЛЯ» В
ДИСКУРСЕ «ТОЛСТЫХ» ЖУРНАЛОВ
(НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛА «НАШ СОВРЕМЕННОК»)**

Грошева Алла Владимировна

преподаватель кафедры журналистики и массовых коммуникаций, факультет журналистики, Челябинский государственный университет, Российская Федерация, г. Челябинск
e-mail: bagi-94@mail.ru

Антропова Вера Владимировна

доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций, факультет журналистики, Челябинский государственный университет, Российская Федерация, г. Челябинск
e-mail: ava45@yandex.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 16-18-02032

Аннотация. В статье реконструируются общезыковая и дискурсивная модели концепта «воля» в «толстых» журналах – на примере издания «Наш современник». Сравнивая их, авторы приходят к выводу о несовпадении ядерных семантических признаков, что свидетельствует о коренной трансформации структуры концептуального поля «воля» в элитарно-журнальном дискурсе.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, дискурс, «толстые» журналы, ментально-языковые трансформации.

Abstract. The general language and discursive models of the concept “will” in “thick” magazines are reconstructed in the article. Comparing them, the authors come to the conclusion that the nuclear semantic features do not coincide, and this indicates a fundamental transformation of the structure of the conceptual field “will” in the elite-journal discourse.

Keywords: linguocultural concept, discourse, “thick” journals, mental and linguistic transformations.

В отечественной филологической науке и русской культуре в целом за «толстыми» журналами закрепился особый статус: сегодня они представляют собой уникальный медиапродукт, генетически восходящий к литературным, сатирическим и энциклопедическим журналам XVIII-XIX веков, а позже – к советским «толстым» журналам. Литературные журналы были не только каналом просвещения, чему способствовала их содержательная модель, но и первооткрывателями новых имен, связанных с общественно-литературным процессом. Более того, в условиях внутренней политики Российской империи (особенно 1840-1850-е годы, то есть в дореформенное время) полемика на общественно значимые темы разгоралась именно в художественной литературе и литературно-критических статьях, которые печатались в подобных изданиях.

Однако, будучи новым, уникальным эстетико-идеологическим журналистским продуктом, «толстые» журналы, отличные от прежних, возникли именно в первой половине 20-х годов XX века. Сначала это были издания «Красная новь», «Октябрь», «Новый мир», «Звезда», позже – «Знамя», «Дружба народов», «Нева», «Наш современник». Принципиальное отличие советских литературных журналов от существовавших ранее (дореволюционных) объяснялось кардинально новым политико-идеологическим курсом страны, поскольку в первой половине двадцатых годов XX века закладывались основы будущей системы советских средств массовой информации, формировались основные принципы ее функционирования. Наиболее важной задачей советской печати был «охват различных слоев читательской аудитории, что призвано было помочь советским средствам массовой информации приобрести массовый характер и наиболее эффективно воздействовать на общественное сознание. В этом процессе не последнюю роль сыграли «толстые» советские журналы, ставшие создателями и выразителями государственной политики в области культуры» [7]. Таким образом, мы можем констатировать двусоставность структуры «толстых» журналов, которые позиционируют себя одновременно как литературно-художественные и общественно-политические издания. В силу неразрывности литературно-художественного и общественно-политического контента для подобного типа прессы всегда имели первостепенное значение такие социально важные, ключевые концепты русской культуры, как «свобода», «воля», «ответственность», «власть» – ментальные образования с доминирующим аксиологическим началом [3, с. 161].

Мы предположили, что в дискурсе «толстых» журналов данные концепты могут претерпевать определенные трансформации, обусловленные, с одной стороны, идеологической маркированностью таких изданий, с другой – элитарностью контента и, следовательно, креативностью, нестандартностью, сложностью смысловых (ментально-языковых) трансформаций. С этой целью мы обратились к методологическим наработкам лингвоконцептологии и к ее главной эвристической единице – концепту (Ю.С. Степанов, З.Д. Попова, И.А. Стернин, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Г.В. Токарев, Н.Ф. Алефиренко и др.).

В современной лингвистике с каждым годом термин «концепт» употребляется все чаще, возрастает интерес к изучению концептов, однако у исследователей до сих пор не сформировалось единого понимания и определения этой лингвокогнитивной единицы. По этой причине противопоставляют лингвокогнитивный концепт и лингвокультурный концепт. Некоторые специалисты, например В. И. Карасик, предлагают понимать их следующим образом: «Если понимать культурные концепты как символически насыщенные знаки определенной культуры, то между когнитивными и культурными концептами можно установить привативную оппозицию: лишь малая часть когнитивных концептов может получить статус культурных» [4, с. 17].

С.Г. Воркачев по этому же поводу отмечает: «лингвокогнитивный и лингвокультурологический подходы к концепту обычно разводятся по ориентации исследовательского вектора: если лингвокогнитология идет от концепта в индивидуальном сознании к его представлению в коллективном сознании (культуре), то лингвокультурология движется от коллективных представлений о концепте к индивидуальным; если лингвокогнитологические исследования имеют типологическую направленность и сфокусированы на выявлении общих закономерностей в формировании ментальных представлений, то лингвокультурология ориентируется скорее на изучение специфического в составе ментальных единиц и направлена на описание отличительных семантических признаков конкретных концептов. По существу отличия эти, говоря юридическим языком, ничтожны, поскольку отделить культуру от формы ее языкового представления невозможно» [1]. Вывод, к которому приходит С.Г. Воркачев, можно сформулировать следующим образом: любой концепт априори лингвокультурен, поскольку по совокупности существенных признаков он оказывается «погружённым» в культуру и язык. Мы принимаем его определение концепта: это «единица лингвоменталитета, фокусирующая в себе особенности этнического мировосприятия и поведенческих установок» [2, с. 177].

Также важным для нас является тезис С.Г. Воркачева о способности некоторых концептов выполнять функцию организующего начала дискурса и выступать в качестве базовых концептов последнего. Мы предположили, что таким статусом обладает концепт «воля» в дискурсе «толстых» журналов, которые, как мы уже упоминали, не имеют аналогов в иных национальных культурах. Более того, мы обратились к журналу «Наш современник», который занимает особое место в структуре подобной периодики. Журнал был основан в 1956 году, в 1970-е годы стал трибуной для нового тогда направления – «деревенская проза», в 1990-е годы объявил себя трибуной для политиков национально-патриотического направления, никогда не скрывал своих оппозиционно-радикальных настроений.

За основу концептуального моделирования мы взяли несколько общеизвестных тезисов: 1) концепт имеет полевою структуру, которая позволяет ранжировать концептуальные смыслы с точки зрения актуальности, важности в рамках языковой картины мира (если речь идет о языковой модели концепта) или в рамках определенного дискурса (в этом случае мы говорим о дискурсивной модели) [5]; 2) сначала с опорой на лексикографические источники выстраивается общезыковая (узуальная) модель, иллюстрирующая так называемую наивную картину мира, затем – дискурсивная с целью их дальнейшего сравнения и констатации смысловых трансформаций.

Итак, реконструируя узуальную модель концепта «воля» во всех ее трех локациях – ядре, околоядерной и периферийной зонах – мы обратились к основным словарям русского языка (толковым, синонимическим, этимологическим, словообразовательным, ассоциативным, словарям эпитетов).

Как показал анализ, ядерную зону исследуемого концептуального поля занимают такие смыслы:

1) «черта характера, благодаря которой индивид добивается поставленных целей и желаний»;

2) «свобода проявлять чувства, желания, высказываться». Видно, что выявленные концептуальные признаки связаны с действиями, но довольно абстрактными, не маркированными политически или социально. Это действия, направленные на получение какого-либо результата, достижение цели, указывающие на силу характера индивида.

Околоядерную зону концепта образуют следующие элементы:

1) «случайность, возникшая в силу каких-либо обстоятельств»;

2) «что-то, выполненное по собственному желанию, добровольно»;

3) «отказ исполнить какой-либо приказ, поручение и готовность получить за это наказание»;

4) «свобода от крепостной зависимости»;

5) «нахождение на свободе, то есть не в тюрьме, не взаперти».

Этот участок концептуального поля образуют смыслы, во-первых, связанные с целенаправленными добровольными действиями или же случайными, а во-вторых, с политическими или историческими реалиями.

Периферийную зону мы не стали делить на ближнюю и дальнюю вследствие невыраженности ярких дифференцирующих признаков:

1) «божественное вмешательство в судьбу человека и ход событий»;

2) «чрезмерная настойчивость»;

3) «тяготы судьбы»;

4) «простор и природа»;

5) «то, что сбивает с истинного пути, приводит к несчастью»;

6) «сила характера».

Дискурсивный анализ концепта был проведен на основе всего массива публицистических текстов журнала «Наш современник» за 2016 год, что позволило нам выявить 12 словоформ, репрезентирующих данное лингвокультурное понятие (*воля, вольный, волевой, добровольный, добровольческий, доброволец, добровольно, вольнодумец, вольность, поневоле, невольно, позволить*), в 36 употреблениях.

Всего нами было выявлено 14 дискурсивных смыслов:

1) «твердость характера» (7 случаев употребления);

2) «неподчинение общепринятым нормам в чем-либо» (6);

3) «желание индивида» (4);

4) «случайность, судьба» (3);

5) «юридический термин, означающий определенную степень автономности субъекта права» (3);

6) «возможность самостоятельно принимать решения» (2);

7) «основополагающее качество личности» (2);

8) «отсутствие каких-либо границ, препятствий» (2);

9) «самостоятельность» (2);

10) «жажда деятельности» (1);

11) «снисхождение» (1);

12) «часть составного наименования» (1);

13) «то, чему нужно покориться» (1);

14) «нечто, противопоставленное бессмысленному следованию за обстоятельствами» (1).

Частотность и интенсивность семантических признаков, о которых упоминает И.А. Стернин в процессе языкового моделирования [6, с. 5-6], стали для нас критериями их локальной принадлежности в рамках исследуемого концептуального поля. Первые два конституента (1, 2) мы отнесли к ядерной зоне, три последующих – к околядерой (3-5), все остальные (6-14) – к периферии. Мы наблюдаем довольно интересный и редкий языковой факт: имеет место малозаметный, «плавный» переход от зоны к зоне, вследствие чего очень сложно их дифференцировать, особенно это наблюдение касается околядерной зоны и периферии. Таким образом, мы имеем дело не с моноцентрическим (то есть сильно центрированным) полем с четко выраженной доминантой, а диффузным (рассеянным), со слабо выраженными границами. Можно предположить, что это обусловлено двумя факторами: 1) элитарно-журнальный (не массовый) дискурс тяготеет к слабо центрированной модели концептов в противовес дискурсу массовых изданий, для которого характерна четко очерченная структура, границы между участками имеют характер контрастного различия. Низкий уровень когнитивной сложности, характерный для массовой периодики, выражается в жестко определенных, часто построенных по принципу бинарных оппозиций конструктах, дающих излишне фиксированную, резко очерченную картину мира, в элитарных СМИ, к которым относятся «толстые» журналы, напротив, концептуальные смыслы подаются синкретично, гомогенно; 2) общественно-политическая, национально-патриотическая направленность делает этот концепт «вездесущим», «расплывчатым», лингвокультурная идея воли репрезентируется во всех текстах, поэтому отдельно, дискретно о ней говорят мало.

Сравнивая узувальную и дискурсивную модели, мы наблюдаем коренную смысловую трансформацию последней: оба ядерных узувальных и дискурсивных смысла не совпали. В узусе воля предстает как черта характера, благодаря которой индивид добивается поставленных целей и желаний, проявляет свои чувства и желания. В дискурсе же подчеркивается исключительно следствие этой черты – «твердость характера», «неподчинение общепринятым нормам». Таким образом, мы можем говорить о том, что концептуализация воли в узусе происходит через утверждение, а в дискурсе «Нашего современника» – через отрицание, что совпало с высказанными ранее замечаниями об оппозиционно-радикальном характере дискурса этого журнала: «вольная» личность преподносит себя как существо, способное противостоять чему-либо или кому-либо, утверждая тем самым силу и твердость духа.

Литература

1. Воркачев, С.Г. «Куда ж нам плыть?»: – лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития [Электронный ресурс] // Язык, коммуникация и

- социальная среда – Режим доступа : <http://lse2010.narod.ru/index/0-25>, свободный. – Загл. с экрана.
2. Воркачев, С.Г., Полиниченко Д.Ю. Концепт «язык» в русском паремиологическом фонде // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста : материалы междунар. симпозиума : в 2 ч. Ч. 2. / С. Г. Воркачев, Д. Ю. Полиниченко – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 176–180.
  3. Егорова, О.С., Кириллова, О.А. «Свобода» и «воля» как ключевые концепты русской культуры / О. С. Егорова, О. А. Кириллова // Ярослав. пед. вестн. – 2012. – Т. I. – № 4. – С. 161-167.
  4. Карасик, В.И. Транслируемость концептов // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста : материалы междунар. симпозиума : в 2 ч. Ч. 2. / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 17–19.
  5. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. – 314 с.
  6. Стернин, И.А. Полевые структуры в системе языка / И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989. – 198 с.
  7. Шкаровская, И.В. Становление и развитие советских «толстых» журналов в первой половине 20-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Ирэн Владимировна Шкаровская ; МГУ. – М., 1999 [Электронный ресурс] // Человек и наука – Режим доступа : <http://cheloveknauka.com/stanovlenie-i-razvitie-sovetskih-tolstyh-zhurnalov-v-pervoy-polovine-20-h-godov>, свободный – Загл. с экрана.